

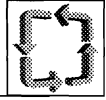
О релятивности, релятивизме и истине

Е.А. МАМЧУР

Прежде чем обсуждать проблему релятивизма, следует, я полагаю, уточнить терминологию. Эпистемологический релятивизм — это концепция, согласно которой среди множества точек зрения, взглядов и теорий относительно *одного и того же* объекта не существует *единственно верной*. Той, которая может считаться адекватной реальному положению дел в мире. Да и искать ее не нужно, полагают релятивисты, поскольку все эти точки зрения и теории *равноправны*. В докладе Л.А. Микешиной смешиваются и порой отождествляются понятия «релятивизм» и «релятивность». Между тем, это разные понятия. Релятивность — это относительность наших знаний к определенному типу парадигмы или культуры, к тому или иному типу рациональности, в рамках которых это знание возникает и функционирует. Релятивность, конечно же, присуща научному познанию. Известно, что в различных культурах, на разных этапах развития науки существовали, скажем, различные понятия числа или различные концепции атомистики. Древнегреческая математика существенно отличалась по своему характеру от современной, также как понятия атома в античности радикально отличались от такового в современной науке.

Релятивность превращается в релятивизм, когда утверждают, что концепции числа или концепции атома, сформулированные в различных культурах, являются равноценными, и среди них нет преимущественной (такую точку зрения отстаивал, например, О. Шпенглер). Концепция релятивности является совершенно адекватной реальной научной практике, давно замечена и зафиксирована в историко-научных и методологических исследованиях. Никакой угрозы научному познанию она не несет. Опасным является релятивизм. И это именно он имеется в виду в тех ожесточенных спорах между релятивистами и фундаменталистами (объективистами), которые ведутся в настоящее время в философии науки.

Кто в этом споре прав? Ответ на этот вопрос зависит от того, какой именно релятивизм имеется в виду. На мой взгляд, можно говорить о трех типах эпистемологического релятивизма. Я назвала их условно *персоналистский*, *когнитивный* и *культурный*. Первый восходит к Протагору и его знаменитому тезису о том, что мерой всех вещей выступает человек. Принятие его привело бы к психологизму. Суть когнитивного релятивиз-

О РЕЛЯТИВНОСТИ, РЕЛЯТИВИЗМЕ И ИСТИНЕ

ма в утверждении, что в научном познании не существует критериев адекватности научных теорий действительности, в связи с чем выбор между различными концепциями и теориями невозможен. Все они являются равноценными и равноправными. Типичным представителем когнитивного релятивизма является Р. Рорти. Я думаю, что здесь все хорошо знают позицию Рорти, так что я не буду говорить о ней подробнее.

Персоналистский и когнитивный релятивизм относятся к синхронному аспекту бытия научного познания. Культурный релятивизм — к диахронному, т.е. к знанию, взятому в его историческом развитии, в его взаимодействии с социально-культурным контекстом. Суть культурного релятивизма в утверждении, что характер и содержание научного знания детерминируется той культурой, в рамках которой это знание развивается. Именно такой точки зрения и придерживался О. Шпенглер.

С персоналистским и когнитивным релятивизмом научное познание так или иначе справляется. Об этом убедительно свидетельствует история науки и современная научная практика. Наука выработала механизмы, позволяющие ей «держат» релятивизм «под контролем». Благодаря этим механизмам ей удастся добывать хотя бы относительно верное знание о действительности.

Что касается культурной версии эпистемологического релятивизма, то здесь, на мой взгляд, дело обстоит сложнее. При ответе на этот вопрос нам приходится рассматривать весьма продолжительные в историческом отношении периоды развития науки. Несомненно, каждая культура накладывает свой отпечаток на характер и содержание научного знания. Человечество смотрит на природу через призму тех мировоззренческих предпосылок, которые свойственны той или иной культуре. Эта призма прозрачна, как это и положено призме; в связи с этим она незаметна, и ученые не осознают ее присутствия. Удастся ли науке, в конце концов, осознавать наличие такой призмы и нейтрализовать и корректировать влияние мировоззренческих стереотипов культуры? Или нет, и релятивность научного знания, его относительность к тому или иному типу культуры превращается в релятивизм?

Это вопрос из вопросов. Перефразируя Л. Шестова, его можно было бы сформулировать так: «Существует ли суд Разума над историей (в данном случае над историей науки) или история судит Разум?». Я думаю, что ответ на этот вопрос зависит от того, что понимать под истиной. Если трактовать истину, как это делает, например, М. Хайдеггер, как зависимую от культуры, истолковывая ее как то, что *определяется* культурой, Разуму действительно следует отказаться от своих притязаний. И перестать судить историю научного познания, т.е. оценивать последовательно сменяющиеся научные теории как более адекватные или менее адекватные реальности. В этом случае мы должны согласиться с М. Хайдеггером в том, что положения аристотелевской физики действитель-

но были для своего времени такими же истинными как законы галилей-ньютоновской физики — для своего¹.

Но истину можно понимать и иначе: как соответствие знания объекту. Такое понимание истины, вопреки мнению постмодернистски ориентированных философов, отнюдь не является неверным. Оно не только имеет право на существование, но и успешно работает, причем не только в классической, но и в неклассической и постнеклассической эпистемологии. Как мне уже приходилось писать, ничего нового в этом отношении не привнесло даже появление квантовой механики². Критерий истины как соответствия знания объекту работает и здесь. Квантовая механика прекрасно согласуется со всеми известными эмпирическими фактами, относящимися к микромиру, и нет ни одного из них, который бы не укладывался в эту теорию или противоречил ей.

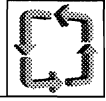
Даже И. Кант, уже после совершенного им коперниканского переворота, держится, как замечает М. Хайдеггер, понимания истины как соответствия знания предмету. Цитирую Канта (по Хайдеггеру): «Старый и знаменитый вопрос, каким мнили загнать в угол логиков...: что есть истина? В объяснении именованной истины, а именно что она есть согласованность познания с его предметом, здесь нет надобности, оно предполагается»³. Так вот, если ориентироваться на понимание истины как соответствия знания объекту, то можно утверждать, что науке удастся освободиться от влияния стереотипов культуры и в этом смысле судить историю познания с позиций Разума. Это удастся делать благодаря существованию некоторых кросскультурных критериев научности. В свете этих критериев многие положения физики Аристотеля, на смену которой пришла физика Галилея-Ньютона, просто неверны. Неправильны, например, представления о том, что причиной движения тел является сила. И напротив, верен закон инерции Галилея, согласно которому для движения тел сила не нужна; она нужна только для изменения характера движения. Неверно утверждение аристотелевской физики, о том, что тела разной массы падают с разным ускорением. Верен закон, установленный в физике Галилея-Ньютона, согласно которому все тела, независимо от их массы, падают с одинаковым ускорением. И так далее.

Понимание истины во времена Аристотеля, конечно же, отличалось от того, которое утвердилось в Новое время. Для успешной жизнедеятельности людей в эпоху античности вполне «хватало» того понимания мира, которая давала физика Аристотеля. Но оно оказалась недостаточным уже для эпохи Нового времени. Изменились формы жизнедеятельности людей, появилось опытное, экспериментальное естествознание. Изменились пред-

¹ См.: Хайдеггер М. Время и бытие, М., 1993. С. 42.

² См. напр., мою статью в кн.: 100 лет квантовой теории. История. Физика. Философия. М., 2002.

³ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997, с.215.

ставления об истине. И это не удивительно, если согласиться с тем, что «Истина — это способ бытия присутствия» (М. Хайдеггер).

Означает ли, однако, релятивность понимания истины то, что она может быть охарактеризована в терминах субъективизма или отождествлена с общезначимостью? Вопреки философам-постмодернистам, полагающим, что они являются последователями Хайдеггера, сам немецкий мыслитель давал на этот вопрос отрицательный ответ. «Всякая истина, пишет он, отнесена к бытию присутствия. Означает ли эта отнесенность то же, что всякая истина «субъективна?» И отвечает, что нет. Субъективность истины отнюдь не означает, — пишет он, — что она «оставлена на произвол субъекта». Истину немецкий философ трактует как раскрытость бытия, а «раскрытие», полагает он, отнимает знание у «субъективного произвола» и «ставит раскрывающее присутствие перед самим сущим»⁴. На разных этапах развития науки сущее раскрывается с различной степенью глубины, да и поворачивается к присутствующему своими различными сторонами.

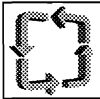
Сказанное относится и к истолкованию истины как общезначимости. «Общезначимость» истины, — предупреждает Хайдеггер, — тоже укоренена только в том, что присутствие способно раскрывать и высвобождать сущее само по себе». Простое отождествление истины с общезначимостью не дает возможности понять ни сути науки, ни ее цели, ни назначения.

Возвращаясь к докладу Л.А.Микешинной, отмечу еще один момент. В докладе утверждается, что существуют онтологические основания релятивизма: они — в изменчивости исследуемого объекта, его неопределенности, историчности. Я полагаю, что указанные свойства исследуемых объектов не могут являться основанием релятивизма. О релятивизме можно говорить тогда, когда по поводу этого изменяющегося, неопределенного объекта будут сформулированы различные точки зрения, и некто станет утверждать, что все они равноценны. Корни релятивизма, скорее, гносеологические и социальные. О гносеологических я уже немного сказала. Социальные корни, по крайней мере, для современного этапа развития науки, лежат на поверхности: это постмодернистское умонастроение эпохи.

Постмодернизм исповедует плюрализм. Он отказывается признавать какие-либо претензии на преимущественные позиции, от какого бы интеллектуального течения или явления культуры они не исходили. Не существует никаких метадикурсов, метаязыков и метанарративов, есть только различные дискурсы и различные нарративы. И все они равноправны. Таков лозунг постмодернистов. Эпистемологический релятивизм хорошо соответствует такому умонастроению.

Но если по отношению к искусству, литературе и т.п. все это хорошо, то для научного познания релятивизм (по крайней мере, персоналистский и когнитивный) означал бы катастрофу. Да он здесь и не прижива-

⁴ Хайдеггер М. Цит. соч. С. 227.

ется и не может прижиться, пока наука будет оставаться наукой. Существует, например, множество интерпретаций квантовой механики: стандартная (ортодоксальная), интерпретация со скрытыми параметрами, многомировая, модальная и т.п. По поводу этих интерпретаций ведутся острые дискуссии. Но я ни разу не слышала, чтобы кто-либо из ученых заявил, что эти дискуссии бесполезны, поскольку, мол, все интерпретации имеют одинаковое право на существование. Напротив, пафос дискуссий в том, что ученые стремятся выяснить, какая из них соответствует реальному положению дел в микромире.

В свете сказанного мне не понятны рассуждения докладчика, которые она развивает в конце своего выступления. Утверждая, что существует множество миров, например «мир малых скоростей и мир, где скорость приближается к световой; мир макротел и мир микрочастиц», Микешина Л.А. усматривает в этом основание и оправдание релятивизма в научном познании. Много миров, значит, считает она, должна существовать не одна наука, а много наук. Между тем, существование различных уровней организации материи и возникновение различных теорий, каждая из которых описывает один из уровней (теория относительности и квантовая механика, соответственно) совершенно не ведут к релятивизму и не являются основанием для него. Повторяю, о релятивизме можно было бы говорить, если бы по поводу каждого из этих уровней реальности (о микромире, о мире больших скоростей) были бы сформулированы различные теории, и все они полагались бы равноценными.

Хотя релятивность здесь вполне имеет место: как уже неоднократно отмечалось в нашей литературе (в частности, в работах В.С. Степина), открытие этих уровней реальности повлекло за собой изменение существующих в классической науке стандартов рациональности. Так что можно утверждать, что знания об этих уровнях релятивны к соответствующим типам рациональности.

Но это релятивность, а не релятивизм!

Таковы мои, по необходимости краткие и предварительные, соображения по поводу доктрины эпистемологического релятивизма.